

УДК 908(292.471): КУФТИН

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.19813284](https://doi.org/10.5281/ZENODO.19813284)

К ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМА В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД: БОРИС КУФТИН

Непомнящий А. А.

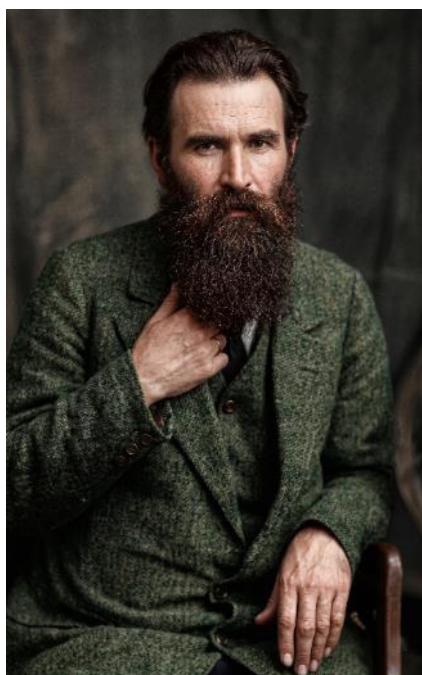
*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Крымский научный центр
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

В русле комплексного исследования вклада российской интеллигенции в изучение Крыма предложен анализ историко-крымоведческой деятельности крупного советского этнографа Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953) в 20-е годы. Ученому удалось в исследованиях соединить изучение материальной культуры и рассмотрение проблем этногенеза. На протяжении 1923–1928 годов Б. А. Куфтин провел несколько масштабных народоведческих экспедиций в Крыму. На основе архивных материалов из Научного архива Российского этнографического музея, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Государственного архива Российской Федерации, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, фондовых коллекций РЭМ восстановлен ход исследовательских работ и их результаты. Хотя внимание сотрудников экспедиционных отрядов акцентировалось на различных аспектах крымской этнографии (быт, устное народное творчество болгар, цыган), руководитель работ сосредоточился на изучении особенностей жилища и быта крымских татар. Обобщение Б. А. Куфтиным значительного по объему материала рабочих записей и анализ переданных в музей предметов быта и культуры крымских татар выразились в нескольких обобщающих трудах, посвященных этнографии южнобережных крымскотатарских поселений и, в частности, характеристике жилища. Прослежено влияние на судьбу ученого совещания этнографов 1929 года, отодвинувшего научные интересы Б. А. Куфтина от Крыма.

Ключевые слова: Б. А. Куфтин, историческое крымоведение, этнографические экспедиции, крымские татары, Южный берег Крыма.

Борис Алексеевич Куфтин (1892–1953) – один из крупнейших российских ученых-этнографов 20-х годов XX столетия. Важной заслугой его научных штудий стало изучение материальной культуры во взаимосвязи с рассмотрением проблем этногенеза [1–4; 5, т. 2, с. 3]. Ученый оставил заметный след в народоведческом изучении Крыма в первое десятилетие советской эпохи. В составленном им в 1933 году, после возвращения из ссылки, «Списке основных печатных трудов» всего 33 позиции. Крымские штудии там оттеснены более масштабными исследованиями в других регионах СССР [6, л. 2]. В ходе работы над сводом библиографического репертуара в области исторического крымоведения довоенной советской эпохи нами впервые сведены воедино опубликованные и оставшиеся в рукописи труды Б. А. Куфтина в области изучения этнографии полуострова [7, с. 356–358]. Это значительный корпус исследований, часть из которых прочно вошли в золотой фонд классики крымоведения, не потеряли актуальности и неоднократно переиздавались в наши дни.

Мы располагаем достаточно хорошо сохранившимися, значительными по объему и интересными по содержанию экспедиционными материалами, собранными ученым на протяжении этого периода (фотоматериалы, предметы

*Борис Алексеевич Куфтин.
Середина 20-х гг. XX в.*

культуры и быта разных народов, в большем числе – крымских татар, цыган, болгар). В архиве Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН с 1958 года хранится часть личного архива Б. А. Куфтина, переданная из Московского отделения Института этнографии АН СССР. После закрытия Музея народов СССР (бывшего Центрального музея народоведения) в 1948 году около 200 предметов по этнографии крымских татар и осетин, собранных Б. А. Куфтиным, были переданы в Государственный музей этнографии народов СССР (ныне – Российский этнографический музей).

Б. А. Куфтин родился 12(24) января 1892 года в Самаре в дворянской семье. Его отец – Алексей Никанорович Куфтин – офицер, одно время служил библиотекарем Морского корпуса в Севастополе. Уже в юном возрасте будущий учёный увлекался естественными науками, тяготел к биологии. Так, во время обучения в Оренбургском реальном училище юноша собрал ботаническую и зоологическую коллекции. После окончания Оренбургского

реального училища (1909 г.) Борис в том же году поступил на физико-математический факультет Московского университета. В 1911 году он исключен из вуза за участие в студенческом оппозиционном движении. Опасаясь дальнейших преследований со стороны власти, Борис Алексеевич провёл два года в эмиграции – в Швейцарии и Италии.

По объявленной в 1913 году по поводу 300-летия Дома Романовых амнистии молодой человек смог вернуться в Москву и продолжить образование. Согласно удостоверению Московского университета от 15 октября 1915 года, Б. А. Куфтин в это время состоял в числе студентов естественного отделения физико-математического факультета [8, л. 102; 9, л. 2]. Интересно, что тогда же студент Куфтин подал прошение в Лазаревский институт восточных языков о принятии его «в число сторонних слушателей для изучения персидского и арабского языков в специальных классах» этого небезызвестного для истории крымоведения учебного заведения [9, л. 1; см. также: 10, с. 41–47]. Неизвестный биографам ученого этот факт обучения Куфтина в авторитетном центре российской ориенталистики свидетельствовал о состоявшемся повороте его дальнейших ученых интересов от

проблем сугубо естествознания в плоскость народоведческих аспектов. Тут обратим внимание, что Борис Алексеевич окончил Московский университет по нескольким специальностям – вначале по ботанике, а затем – по антропологии, археологии и географии. Параллельно он работал внештатным ассистентом-преподавателем на кафедре ботаники в Московском сельскохозяйственном институте, читал курсы ботаники в Народном университете А. Л. Шанявского [8, л. 102].

*Владимир Владимирович
Богданов*

музея, с 1924 года – в Центральном музее народоведения. Под его руководством проводились широкомасштабные экспедиционные исследования традиционной русской культуры южных областей европейской части России, в том числе в Крыму [11]. Интересно, что В. В. Богданов сотрудничал и с рядом ученых-крымоведов, в частности с профессором местного педагогического вуза П. А. Двойченко. По приглашению последнего в начале декабря 1940 года московский этнолог участвовал в проходившей в Крымском государственном педагогическом институте им. М. В. Фрунзе научной конференции к 20-й годовщине разгрома белогвардейцев. Он выступил с докладом об этническом составе полуострова [12; 13, с. 236–238].

Именно В. В. Богданов предложил Б. А. Куфтину заняться изучением казахского народного календаря, что и стало для последнего начальной фундаментальной исследовательской темой. В 1916 году Борис Алексеевич совершил первую экспедиционную поездку в Казахстан. По итогам он опубликовал свою дебютную научную работу по этнографии [14]. Результатом поездки стало исследование «Орография Джунгарского Алатау», представленное в качестве

кандидатской диссертации в Московский университет. В 1917 году Б. А. Куфтин сдал кандидатские экзамены и был оставлен профессором Д. Н. Анучиным при Московском университете на два года для подготовки к профессорскому званию по кафедре антропологии [15, л. 192 об.–193]. Заметим, что вместе с В. В. Богдановым Д. Н. Анучин также оказал значительное влияние на становление молодого

*Дмитрий Николаевич
Анучин*

Б. А. Куфтина. Идеи Анучина относительно неразрывности триады (этнография, антропология, археология) во много впоследствии отразятся на работах Бориса Алексеевича [16, с. 128–129].

Непродолжительное время Б. А. Куфтин параллельно сотрудничал в Русском музее (Петроград). С 25 июня (1 июля?) 1919 года он назначен помощником заведующего научным отделом, заведующим отделением в отделе этнографии. Разрываться между двумя столицами оказалось сложно. Куфтин отчислен с должности не ранее 1920 года [17, с. 20].

В 1919 году Д. Н. Анучин открыл на физико-математическом факультете Московского университета кафедру антропологии. Весной он предложил Б. А. Куфтину, сдавшему экзамены на звание магистра, читать на ней курсы по народоведению. С 1919 года Борис Алексеевич – преподаватель Московского университета, где самым

большим из читаемых им курсов была первобытная культура. Молодой ученый разработал и успешно читал в университете курсы по этнографии регионов СССР, а также проводил занятия по теоретической этнографии, методике музейной работы, руководил полевыми практиками студентов. После смерти Д. Н. Анучина Б. А. Куфтину было поручено заведовать всем народоведческим циклом на открытой тогда же кафедре этнологии факультета общественных наук (в 1925–1931 гг. – этнологический факультет первого МГУ). Борис Алексеевич отметил в автобиографии: «До 1930 г. мною читались курсы: 1) История первобытной культуры и народоведение; 2) Описательное народоведение; 3) Народоведение Восточной Европы и Кавказа; 4) Народоведение Сибири и Средней Азии; 5) Народоведение турецких племен» [6, л. 3–4]. Кроме этого, ученый преподавал курсы «Методы научного определения этнографических памятников», готовя студентов к практической музейной работе, и предмет «Введение в археологию доклассового общества». В личном архивном фонде Б. А. Куфтина сохранились рукописные планы и тезисы лекций по предмету «Сравнительное народоведение

или общая этнология». По этим записям можно составить примерное представление о содержании этих учебных дисциплин.

Занятия в МГУ Б. А. Куфтин совмещал с работой в Антропологическом институте им. Д. Н. Анучина, а также на этнологическом отделении Государственной академии истории материальной культуры. Значительной оставалась роль ученого в трудах Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ, которое возглавлял В. В. Богданов и А. Н. Максимов. Б. А. Куфтин и там играл чрезвычайно активную, а порой и руководящую роль.

С началом 20-х годов в советской России активизируется деятельность краеведческих обществ. С 10 по 12 декабря 1921 года в Москве по инициативе Академического центра Наркомата просвещения РСФСР прошла представительная Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края. Опубликовался «Дневник» конференции, где печатались тексты выступлений [18]. На научном форуме по предложению В. В. Богданова, который был там одним из организаторов, выступил Б. А. Куфтин. Он остановился на проблеме важности и срочности сбора этнографического материала как одной из основных задач советского краеведения. Исследователь настаивал на необходимости срочного экспедиционного изучения народов страны, особенно на окраинах, для фиксации особенностей их быта и национальных культур. Материал опубликован во втором выпуске «Дневников» конференции [19]. Спустя два года этот текст, дополненный и расширенный, был включен В. В. Богдановым в редактируемый им сборник Центрального бюро краеведения, напечатанный в Нижнем Новгороде по итогам названной конференции [20].

С октября 1922 года Б. А. Куфтин вступил в Российское общество по изучению Крыма (РОПИК). Эта авторитетная общественно-научная организация видела свою задачу во всестороннем изучении полуострова. Ученый – активный участник как организационной работы Общества, так и многочисленных исследовательских проектов РОПИК. 22 октября 1923 года он выступил на открытии Ялтинского отделения Общества. Б. А. Куфтин – член правления этой авторитетной организации [см. подробнее: 21].

В 1924 году в Москве по проекту В. В. Богданова развернул работу Центральный музей народоведения. Учреждение культуры сразу превратилось в важнейший центр по изучению этнографии народов СССР. В период с 1924 по 1930 годы Б. А. Куфтин также активно сотрудничал и там. Он возглавлял отдел Сибири.

В 1923–1925 годах Б. А. Куфтин по поручению Антропологического института им. Д. Н. Анучина и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при первом МГУ, при содействии РОПИК совершил несколько экспедиций в Крым, где занимался изучением материальной культуры крымских татар. В личном архивном фонде ученого сохранилась карта Крыма, со сделанными Б. А. Куфтиным собственноручными пометками маршрутов его этнологических экспедиций по полуострову в эти годы [22, л. 1–3].

Борис Алексеевич Куфтин

Результаты первой этнографической поездки были представлены научной общественности на заседании Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, где Б. А. Куфтин выступил с докладом «Этнографические наблюдения в Крыму в 1923 году». В фондах Российского этнографического музея хранятся привезенные Б. А. Куфтиным в том году предметы быта крымских татар [23]. С докладом «Задачи этнологического изучения Крыма» этнограф выступил в Российском обществе по изучению Крыма. Заседание проходило в Политехническом музее 24 февраля 1924 года [24]. Полное исследование Куфтина по итогам нескольких экспедиций – «Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: материалы и вопросы» – появилось в 1925 году в издании Общества любителей

естествознания, антропологии и этнографии [25; см. также переиздание: 26]. Ученый подчеркивал необходимость привлечения широкого сравнительного материала, особенно с данными археологических исследований, а также с данными этнографии и антропологии соседних регионов (культур), которые участвовали в формировании «культурных элементов» изучаемого района. Б. А. Куфтин справедливо считал, что «Крымский полуостров <...> принадлежит и культурно к двум различным мирам», которые определяются, с одной стороны, влиянием северной кочевнической культуры, с другой – земледельческой средиземноморской. Они несли на почву Крыма выработанные в иных природных условиях культурные черты, которые перерабатывались здесь в своеобразном взаимодействии друг с другом, приспособляясь к местной природе и туземным формам быта» [27, с. 22].

Осенью 1924 года Б. А. Куфтин совершил пешие путешествия по селам Бахчисарайского района и Южного берега Крыма с целью изучить этнические типы и культурно-бытовые особенности крымских татар (традиции, обычаи, одежда, типы поселений, строения, культурные практики, фольклор). Для работы использовалась Гурзуфская научная база РОПИК [см. подробнее: 28]. С этого года начала формироваться фототека исследователя, посвященная жилищу и типам населения Крыма. Собрание фотоматериалов дополнялось Куфтиным до 1928 года и сохраняется единым комплексом [29, л. 1–138]. Полевые записи этнографа о материальной культуре татар Крыма 1924 года [30, л. 1–65], по изучению жилища на полуострове [31, л. 1–38], о тамгах на крымскотатарских кладбищах [32, л. 1–31] легли в основу его публикаций на страницах российской краеведческой периодики [27].

Крымскотатарский деревянный дом на высоком каменном фундаменте. Исчезнувшее село Узенбаш. 1925 год.

1925–1926 года – время проведения масштабной Солхатской (Старо-Крымской) научной экспедиции по изучению материальной культуры крымских татар, в которой принимали участие Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Музей находился под патронатом КрымОХРИСа, представители которого курировали работы [см. подробнее: 33]. Финансировал мероприятие ЦИК и СНК Крымской АССР. По этому поводу руководитель КрымОХРИСа А. И. Полканов писал крупному советскому археологу И. Н. Бороздину, который был назначен руководителем экспедиции:

«Дорогой Илья Николаевич. К сожалению, не застал, а надо было поговорить, так как из собеседования с Башкировым выяснил, что существует какое-то недоразумение по поводу крымских раскопок.

1. В это лето у нас будет две экспедиции. Первая, интересующая Вас, по раскопкам Солхата и вторая, Вам неинтересная, по сбору для КрымЦИКа этнографии в степной части Крыма. К участию в последней мы привлекаем профессора Куфтина» [34, л. 15].

Предполагаемые вначале две отдельные экспедиции: археологическая (руководители И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров) и этнографическая (руководитель Б. А. Куфтин) были объединены в одну [35, с. 34–35]. Целью масштабного научного проекта

1925–1926 годов стало изучение средневековых археологических и архитектурных памятников по всему полуострову, а также этнографические разработки (изучение крымскотатарского фольклора и жилища). В первый год исследований за 42 дня специалисты обработали материал из 64 населенных пунктов. Официально руководил работами авторитетный крымовец, профессор Илья Николаевич Бороздин. Однако, фактически руководителей было двое. Второй – Алексей Степанович Башкиров. Среди участников – весь цвет крымоведческого сообщества 20-х годов – как столичных, так и местных: руководитель КрымОХРИСа Александр Иванович Полканов, архитектор, историк искусства и архитектуры Павел Иванович Голландский, архитектор-реставратор Центральных государственных реставрационных мастерских из Москвы Борис Николаевич Засыпкин, преподаватель Крымского педагогического института М. В. Фрунзе Осман Асанович Акчокраклы, директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеин Абдурефиевич Боданинский, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Николай Львович Эрнст, профессор первого МГУ и Антропологического института Борис Алексеевич Куфтин [36, с. 52–54; 37]. Этнографическим отрядом под руководством Б. А. Куфтина собрано более 150 бытовых предметов, 50 эпиграфических раритетов (рукописей), записано около тысячи образцов фольклора на Южном берегу Крыма и Восточном Крыму. Сделано 200 фотоснимков и 300 зарисовок объектов культурного наследия [38].

*Крымскотатарский дом на улице Асма Кую. Бахчисарай.
1925 год. МАЭ ИИ 1750-18*

Информацию об участии Б. А. Куфтина в названных работах осенью 1925 года подтверждают документы Главнауки Наркомпроса РСФСР. Сохранилось удостоверение, выданное Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР заведующему отделом Центрального музея народоведения, преподавателю первого МГУ Б. А. Куфтину, «командируемому в Крым для этнографических работ». В документе указывалось, что Б. А. Куфтин «имеет своей задачей этнологическое изучение материальной культуры, хозяйства, быта, языка, устного творчества и искусства крымских татар» путем собирания экспонатов, фотосъемки, зарисовок, снятия планов. Приведен и намеченный маршрут: Бахчисарай – Евпатория – Феодосия – Симферополь. Продолжительность экспедиции обозначена с 9 октября по 9 ноября [39, л. 54]. В специальном отношении начальника Главнауки Ф. Н. Петрова в Наркомпрос Крымской АССР, датированном 17 октября 1925 года, высказана просьба оказать содействие Б. А. Куфтину в «изучении быта, этнографии и кустарных промыслов крымских татар и болгар-колонистов». В письме указана цель командировки Б. А. Куфтина: «Собирание материалов для устройства обстановочного зала по быту крымских татар в Центральном музее народоведения» [39, л. 55; см. также: 40]. Ход этнографических штудий ученого на полуострове освещал главный профильный научный журнал СССР. При этом в издании была помещена биографическая справка о подвижнике этнографии, что свидетельствует о значимости его фигуры [41, с. 305, 331].

Ученый продолжал активное сотрудничество с Российским обществом по изучению Крыма. В 1925 году под руководством Б. А. Куфтина организован и работал в Крыму специальный этнографический отряд Общества. Подвижники краеведения занимались сбором бытового материала и записью фольклора разных этнических групп [42]. Работы продолжались и в следующем году.

В 1925 году Куфтин публикует статью «Южнобережные татары Крыма» [см. переиздание: 43]. Материалом к данному исследованию послужили его наблюдения за крымскими татарами, населявшими территорию между Байдарами и Судакком. Этнограф отметил: «Татары южного берега представляют группу, вполне определенную не только географически, но и культурно. У татар предгорного Крыма они известны под именем татов. Этим именем называют себя и сами татары наиболее глухих деревень Судакского района из бывших генуэзских колоний, напр., д. Ускют, Шилень, Айсерез и др. <...> Сильное влияние южнотурецкого османского языка отличает говор южнобережных татар от прочих татар Крыма, свидетельствуя о значительном влиянии на них турецко-османской культуры. Почти на чистом южнотурецком языке говорят татары Алупки, Ялты, Гурзуфа, но татары горных деревень Судакского района отличаются резко выраженными диалектическими особенностями» [27, с. 24].

Б. А. Куфтин заметил отсутствие у татар Крыма монголоидных признаков: «Южнобережные татары обладают стройным сложением, смуглы, темноволосы, с правильными, у стариков глубоко выработанными чертами лица, с суровым, как бы малоподвижным, взглядом горящих глаз. Флегматичный темперамент со склонностью к созерцанию, характерная медлительность движений, чувство

собственного достоинства обличают в южнобережном татарине более сына Востока, чем Средиземноморской Европы. Усы татары не бреют, бороду опускают только старики, волосы на голове носят недлинные». Что же касается крымских татарок Южного берега, то среди них «нередко можно встретить милостивых, с

*Крымскотатарская девочка
в повседневной одежде.
Судак (село Каменка (Шелень).
1925 год.*

тонкой, нежной кожей лица, большими темными глазами и изящно очерченными бровями, красивую форму которых татарки подчеркивают еще черной сурьмой» [27, с. 25].

Автор отметил, что одежда крымских татар Южного берега «не имеет ничего общего с костюмом кочевых и оседлых народов Средней Азии», кроме, разве что, очень широких штанов: «Вместо свободных, распахивающихся халатов с длинными рукавами, мы видим здесь очень короткие, до пояса, камзолы в обтяжку и суконные узорные жилеты «илек» без рукавов. По своему покрою и терминологии многие части костюма приближаются к костюму балканских народов – греков, южных славян, албанцев, являясь свидетелями старых культурных отношений» [27, с. 25].

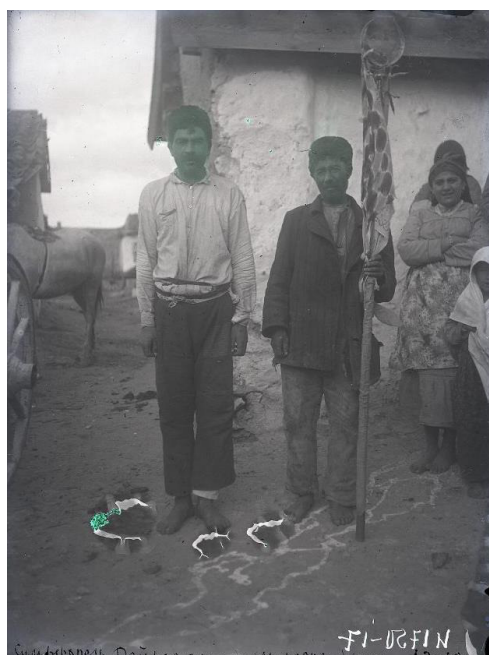
Представлено также описание и ландшафта: «Живут крымские татары Южного берега деревнями, уютящимися, большей частью, значительно отступя от моря, среди открытых для горячего солнца виноградных террас и табачных плантаций, на

возвышенных склонах гор, по сторонам бегущих по камням ключей, которые образуют главные улицы поселка, затененного кое-где одинокими деревьями» [27, с. 26]. По замечанию этнографа, главным занятием южнобережных татар является земледелие, «промышленная жизнь среди них развита слабо. Ремесленников, в отличие от Бахчисарая и Карасубазара, здесь практически нет». Развито садоводство и хлебопашество – сеют пшеницу и лен, а также картофель.

Характерной чертой семейной жизни южнобережных татар Куфтин считал «отсутствие многоженства и особые нормы свадебного договора, в котором элемент покупки невесты, калым, обычный для большинства тюркских народов, не выражен сколько-нибудь ярко. Напротив, в сильной степени выступает роль приданого. Женщина в семье пользовалась большей свободой, чем у городских татар, и, хотя на ней лежали все домашние хозяйственные заботы, она успевала выучиться читать и писать, часто даже с большим успехом, чем мужчина» [27, с. 28–29].

Цыганский квартал в Симферополе. 1925 год.

*Цыгане-мусульмане со знаменем Мухартема. Симферополь.
1925 год. МАЭ И 1750-17*

Основным объектом изучения для Б. А. Куфтина во время экспедиционных поездок стало жилище. Он создал географическую классификацию конструкции крымских жилищ. Затем, как при археологических исследованиях, «снял» различные, сначала наиболее поздние, слои особенностей, характерных для разновременных и принадлежащих различным культурам строительных традиций. Исследователь выделил четыре типа построек у крымских татар, представив их различное происхождение. Прежде всего, он обратил внимание на татарские дома в Бахчисарае. По его мнению, это наиболее поздний тип построек. Бахчисарайский городской дом стал результатом влияния османского зодчества, наиболее знаковым образцом которого являлся Ханский дворец. Б. А. Куфтин заметил, что в конструкции типичных бахчисарайских домов лежит стремление подражать стамбульской архитектуре. Второй тип характерных татарских домов – срубные постройки предгорных районов Западного Крыма. Особенности архитектуры, по мнению автора, связаны с древней земледельческой культурой готтов. Опираясь на греческие и латинские источники, этнограф представил экскурс в историю готской колонизации полуострова. Интересно, что «наводку» на необходимость поиска северного готского влияния на татарские жилища в Крыму Куфтин получил от своего наставника В. В. Богданова [25, с. 14, 22–23].

Еще два типа крымскотатарских строений представляли более ранний пласт, отражавший характер жилища древних аборигенов Крыма. Автор пытался найти аналогии «древнейшего слоя татарского жилища» в сравнении его с кавказскими постройками. Так, третий из определяемых им типов строений встречается в степном районе в предместьях Карасубазара. Исследователь выделил конструкцию крыш этих домов, аналогии которым нашел в «наиболее примитивном типе плетневых построек черкесов, их сараев и курятников», а также на Балканском полуострове. Также Б. А. Куфтин отметил, что в конструкции крымских крыш встречаются элементы свайных построек, распространенных по берегам Азовского моря и известных в трипольской культуре. Четвертый тип крымскотатарского жилища этнограф выделил среди южнобережных жителей, известных под именем татов. Отличительными особенностями татских деревень, по его мнению, являются, скупенная планировка, расположения по склонам гор, когда одно строение буквально нависает над другим. При этом для домов характерны плоская крыша и крестовидное расположение комнат. Исследователь видит «полное сходство» этих строений с архаическими домами грузинов, осетин, лезгинов и чеченцев. А то, что сходство проявлялось именно в архаических чертах строений, доказывало древность культурных контактов между Крымом и Кавказом [16, с. 239–240].

Интересные результаты дали наблюдения этнографов над старыми постройками в горной части Бахчисарайского района (бывший Мангупский кадылык, куда вошли земли бывшего княжества Феодоро). Куфтин отметил там тип срубного деревянного жилища с двускатной крышей, назвав это «северной» традицией домостроительства, проистекавшей от славян или германцев. Интуитивные догадки этнографа укрепились после выяснения, что основание дома и несущую балку местные татары называли словом «разан». Это слово,

неопределяемое в тюркском языке, находило сходство с готским аналогом в значении «дом». Тем самым проявилось, по мнению Б. А. Куфтина, готское наследие [см. подробнее: 44, с. 236–237].

Крымскотатарский дом с нависающим вторым этажом. Бахчисарай. 1925 год. МАЭ. И 1750-19

В научной печати появилось два отзыва на исследование Б. А. Куфтина о крымскотатарском жилище. Оба рецензента – известные в историческом крымоведении фигуры, оба практики, которые непосредственно занимались на полуострове сбором полевого материала. В небольшой заметке в журнале «Крым» этнограф Аркадий Карлович Кончевский [см. о нем: 45], скрывшийся под псевдонимом «А. К.», констатировал, что «Содержание статьи шире, чем ее заглавие. В первой части своей работы автор, на основе анализа этнических типов и культурных элементов современного татарского населения полуострова, стремится выяснить, как отразилась на них предшествовавшая история Крыма с постоянной сменой этнических и культурных влияний, отчасти даже доисторических (кавказские и малоазиатские влияния). Вторая часть работы посвящена описанию

*Аркадий Карлович Кончевский
с матерью. 20-е годы XX в.*

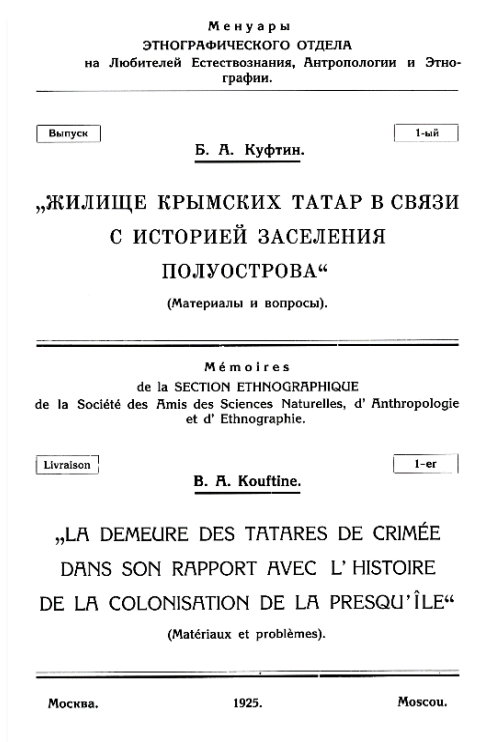
Куфтина «Большинство выводов основаны на неточных, по самому характеру источников, исторических и лингвистических справках в то время, как значительно более документальные сравнительно-этнографические данные остаются в тени. В особенности это чувствуется на страницах, посвященных плетневому типу жилищ. В отдельных случаях увлечение автора историческим методом заставляет его совсем отрываться от основной темы» [48, с. 362]. В качестве примера рецензент ссылается на рассуждения Куфтина о терминах «таты» и «таджики», считая что это отход от заявленной темы. Г. А. Бонч-Осмоловский акцентировал внимание на то, что Куфтин сам указал на отсутствие у него материалов о жилище степных татар в Крыму. По мнению рецензента, именно жильё степных татар «должно служить ключом к пониманию остальных построек» [48, с. 362]. Г. А. Бонч-Осмоловский заметил, что «Устанавливаемый Куфтиным для Карасубазарского и Симферопольского районов тип жилища не

жилищ, собственно иллюстрируемая рядом поучительных чертежей и фотографических снимков (к сожалению, последние воспроизведены плохо). Автор, отмечая стремления приспособить жилище к местной среде, тем не менее, приходит к заключению, что вынесенные в историческом развитии традиции играют большую роль. Статья, безусловно, интересная и ставящая ряд новых вопросов, к сожалению, издана небрежно с массой опечаток, как в русском тексте, так и, в особенности, во французском резюме. Последние к тому же совершенно не оговорены» [46].

Более критическим стал отзыв археолога, организатора памятнико-охранительной деятельности в регионе Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского, проводившего в этот период полевые археологические исследования в Крыму [см. о нем: 47, с. 70–72, 128]. Он отметил, что у

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский 1931 г.

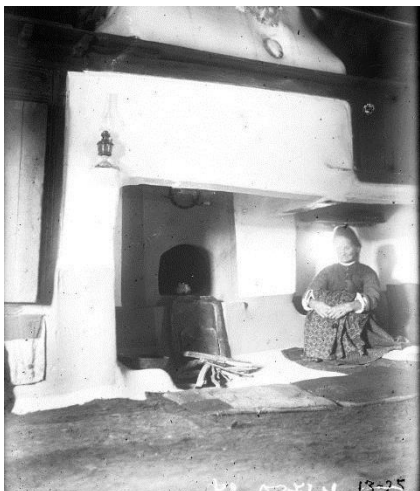
*Куфтин Б. А.
Жилище крымских татар. 1925 год*

участию в знаковых для исторического крымоведения изданиях той поры. Там он излагал собственную концепцию организации жилых построек у крымских татар [50, с. 50–71; 51].

Б. А. Куфтин болезненно отреагировал на критику коллеги по цеху крымоведения. В ответной заметке он заявил, что Бонч-Осмоловский «извратил» все приведенные его цитаты. Пикантность ситуации придал тот факт, что Куфтин с осени 1926 года являлся научным руководителем Глеба Анатольевича как аспиранта Антропологического института им. Д. Н. Анучина.

Результатом полевых исследований в Крыму стала рукопись Б. А. Куфтина «Крымская этнография как материал для учебно-показательных экскурсий в Крым». Середина – вторая половина 20-х годов – время организации учебно-показательных учебных заведений и проведения школьных краеведческих экскурсий [см. об этом: 52; 53]. Исследователь справедливо отметил «сравнительно малую этнографическую изученность Крыма», в том числе – отсутствие в регионе этнографических музеев и народоведческих экспозиций в действующих музейных учреждениях [54, л. 1]. В этой связи он говорил о «возможности привлечения в план учебно-познавательных исторических экскурсий» по полуострову этнографического

является характерным». Рецензент опирался на материалы собственных экспедиций по изучению плетневого жилища. Он настаивал, что названный тип жилища ничем не отличается от бахчисарайского. Описанное же Куфтиным тип жилища села Уйшунь является исключением, а не правилом. «При описании домов Бахчисарайского района автором упущена интересная деталь: срубленные из плах стены всегда покрывались снаружи и изнутри толстым слоем глины» [48, с. 363]. Рецензент пришел к выводу, что Куфтин иногда давал описание не татарских, а цыганских домов. Несмотря на обилие замечаний, Г. А. Бонч-Осмоловский сделал заключение, что исследование Б. А. Куфтина «привлекает к себе внимание количеством использованных источников и широтой поставленной проблемы» [48, с. 365; см. также: 49]. Заметим, что Г. А. Бонч-Осмоловский был признанным в среде научного крымоведения этнографом, специалистом в области изучения крымских татар. Его приглашали к

*Крымская татарка у камина.
Севастополь, Хворостянка
(Узенбаи). 1925 год.
МАЭ. И 1750-24*

материала, который представил бы быт, особенности жилых построек, этнографические типы и другие особенности населения. В качестве примера этнографом рассмотрен Бахчисарай – яркий центр крымскотатарской культуры [54, л. 2–3]. К этому периоду относится рукопись статьи (материалов к статье) Б. А. Куфтина «О происхождении тюрков» [55, л. 1–10].

«Русский антропологический журнал» опубликовал в 1926 году обобщающий материал ученого о малочисленных народностях СССР [56]. Публикация стала выжимкой из обширного доклада Бориса Алексеевича, прочитанного в Антропологическом институте I МГУ, по вопросу «Численные взаимоотношения народов СССР в связи с проблемой «вымирающих» и реликтовых племен».

Заметим, что в тот период Б. А. Куфтин

являлся активным участником крупных научных форумов. Так, в сентябре 1926 года он – среди делегатов Конференции археологов СССР в Керчи [см. подробнее: 57]. Выступил с актуальным в русле его штудий тех лет докладом «Типы жилищ крымских татар, как источник для изучения культурно-этнических смен доисторического и исторического Крыма» [58, с. 2]. В дни работы конференции Борис Алексеевич провел несколько выступлений в трудовых коллективах Керчи о крымской этнографии, изучению жилых построек, особенностях быта местного населения.

Самыми масштабными из крымских полевых разысканий Б. А. Куфтина были исследования 1928 года. Продолжая активно сотрудничать в Обществе по изучению Крыма (РОПИК в апреле 1927 года поменяло название, заявив свой всесоюзный, а не только российский статус), Б. А. Куфтин по приглашению А. С. Башкирова принял участие в подготовке комплексной экспедиции этой

*Хлебная печь на балконе второго
этажа крымскотатарского дома.
Село Шелень (Громовка). 1925 год.
МАЭ И 1750-12*

научной организации по изучению Керченского полуострова. 2 декабря 1927 года секретарь Московского отделения ОПИК обратился к А. С. Башкирову с письмом, где сообщалось о решении Президиума этой организации отправить комплексную экспедицию на Керченский полуостров. Предполагалось, что географическими обследованиями займется Б. Ф. Добрынин, экономическим изучением – Н. Т. Юрин [59, л. 12–12 об.].

*Крымскотатарское кладбище. Каменный стол для покойников.
Евпатория. 1925. МАЭ И 1750-7*

Отъезд этнографической экспедиции из деревни Демерджи. 1926 год

В этой связи А. С. Башкиров предложил программу будущих исследований:

«Докладная записка и смета на этнологическое обследование Керченского полуострова летом 1928 г.

Намечаемое этнологическое обследование Керченского полуострова на лето 1928 года является началом первого систематического изучения одного из интереснейших районов Крыма, оставленного без внимания даже составителями путеводителей.

Край, насыщенный поразительными и многоценными памятниками разнообразных времен, населенный разнообразными народами с разнообразными элементами культуры, некогда представлял цветущий уголок Тавриды. В настоящее время в нем хлебопашество упало, садоводство замерло, даже сухостойные культуры с трудом получают свое развитие. Население стремится жить отхожим промыслом, часто бросая свои хозяйства. Культура в крае падает из-за слабой экономической базы.

Научное обследование края должно выяснить факторы прошлой цветущей культуры и факторы запустения края, возникшие и развившиеся в императорский период. Они таятся и в социальном, и бытовом укладе, которые привели к тому, что край запустел. Большим бедствием служило угнетение татарского населения; несправедливость его привело к потере культурных навыков и, прежде всего, хотя бы к разрушению оросительной системы края.

Интересен быт, интересен социальный уклад до мельчайших подробностей и в деревне, и в городе, и на промыслах, дающих большое подспорье населению.

Край чрезвычайно богат памятниками прошлого. Помимо античных остатков в ряде городищ, могильников и т.д., здесь встречаются следы и глубоких доисторических времен и в большом количестве как Средневековья, так и Нового времени.

В изучении прошлого Крыма на Керченском полуострове Общество может войти в контакт с НИИ археологии и искусствоведения РАНИИОН тем более, что последний ведет уже второй академический год в соседней области на Таманском полуострове при посредничестве тех же сил, кои намерены работать на Керченском полуострове от Общества.

В обследовании Керченского полуострова Общество, имея инициативу в Московском отделении, привлекает к работе, кроме московских ученых, исследователей и Крыма и, прежде всего, Керченского отделения, опираясь на сложившиеся научные базы» [59, л. 6–7].

Эти же мысли А. С. Башкирова были усилены им в неопубликованной рукописи «Вопросы изучения Керченского полуострова» [59, л. 13–14]. Составляя смету суточных, А. С. Башкиров заложил деньги для двух руководителей – себя и Б. А. Куфтина. Однако руководил работами исключительно Б. А. Куфтин, которому и принадлежит авторство всех отчетов этой экспедиции [см. подробнее: 60]. В ходе экспедиции 1928 года этнограф и его команда собрали сведения об одежде, утвари крымских татар. Записывали крымскотатарский фольклор. Сохранились полевые записи Б. А. Куфтина из научной поездки, датируемые 1928 годом, о жилых

постройках крымских татар (планы, чертежи) [61, л. 1–3], об одежде, обуви, утвари крымскотатарского населения [62, л. 1–31], многочисленные записи песен татар и болгар Крыма [63, л. 1–81].

В июне 1928 года Б. А. Куфтин дал интервью корреспонденту газеты «Красная Керчь». Он сообщил, что Московское отделение Общества по изучению Крыма направило в Керченский район научную экспедицию для ознакомления с национальной культурой и экономикой полуострова. Экспедиция состоит из трех отрядов: этнологического, географического и статистико-экономического. Главной задачей, по словам Б. А. Куфтина, являлось «собрать материал по отживающему старому быту населения Керченского полуострова, главным образом – татар». Руководитель рассказал о выбранном маршруте экспедиции. Анализируя собранные находки и говоря о предварительных итогах работ, этнограф особенно выделил объем собранного материала по древнему татарскому эпосу, записанного участниками научного похода. Борис Алексеевич отметил, что эти данные сохранились именно на Керченском полуострове. Из состава экспедиции он выделил по объему проделанной работы Валентину Константиновну Стешенко (1904–1953), которая занималась сбором музыкального материала (собрано 86 мелодий, 72 из них татарские, 14 болгарские). Б. А. Куфтин не случайно уделил внимание выпускнице Киевской консерватории по классу фортепиано, которая увлеклась полевой этнографией. Вскоре В. К. Стешенко станет супругой Бориса Алексеевича [см. подробнее: 64]. Руководитель отметил, что в ходе данной экспедиции впервые подвергнуты записи речи сказителей древних татарских былин. Борис Алексеевич анонсировал планы на скорое издание крымскотатарского эпоса, зафиксированного в этой поездке [65]. К сожалению, данный пласт собранного материала (записи фольклора, эпоса крымских татар) до настоящего времени не издан. Он сохранился в виде рукописных записей сотрудников экспедиции в личном архивном фонде Б. А. Куфтина в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН [66].

Значительная часть полевых материалов экспедиции 1928 года относится к изучению жилых и хозяйственных построек и описанию домашней утвари. Зарисовки и пояснительные описания сделаны сотрудниками экспедиции М. Орловым [67] и Е. М. Стройковым [68, л. 1–4], К. Ф. Соколовой [69, л. 1–14]. Исследователями собран значительный фотоматериал [70, л. 1–138]. М. Орлов и И. Ф. Соколов в крымскотатарском поселке Солунь (Сольнь)-Маяк на Керченском полуострове занимались сбором данных о национальной кухне – «об изготовлении пищи» [71, л. 1–16]. Информацию «О расселении татарского населения села Маяк-Салынь Керченского округа» собрал аспирант Б. А. Куфтина сотрудник Центрального музея народоведения Николай Николаевич Чебоксаров (1907–1980) (в будущем известный советский этнограф, антрополог, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнографии МГУ) [72, л. 1–32].

Керченское отделение ОПИК в это время активно работало над экспозицией открытого параллельно с существующим Керченским историко-археологическим музеем Музея местного края (в 1926–1927 годы – Музей производительных сил).

В этой связи работа экспедиционного отряда Б. А. Куфтина была, как нельзя кстати. Борис Алексеевич выступил в Керчи с публичной лекцией «О задачах этнографического изучения Крыма и Керченского полуострова» [21, с. 101]. Часть дублетов собранных предметов быта «трудящихся крымских татар» передана Куфтиным руководителю керченских краеведов Юлию Юльевичу Марти для экспозиции Музея местного края.

Теоретическим обобщением проделанной работы стали доклад [73, л. 1–5], а затем и публикация тезисов «Задачи и методы полевой этнологии» [74]. Кстати, с материалами экспедиций по сбору этнографического материала Куфтин периодически знакомил коллег по Обществу по изучению Крыма. При чтении на заседании Общества доклада Куфтина «Песни Крыма», подготовленном совместно с В. К. Стешенко, с демонстрацией крымскотатарских национальных танцев выступили сами члены ОПИК [см. также: 75].

*Валентина Константиновна
Стешенко-Куфтина*

Для Центрального музея народоведения в течение 1924–1928 годов Б. А. Куфтин приобрел (частично получил в дар) отдельные предметы материальной культуры крымских татар: несколько образцов мужской и женской одежды, узоротканые полотенца и подкладки под кувшин, безмен для взвешивания шерсти. Полевые описи Б. А. Куфтина и составленные им учетные карточки на предметы коллекций сохранились. Они находятся в Научном архиве Российского этнографического музея [76; 77, с. 6, 15].

Крымский регион не был эксклюзивным в общей массе исследовательских проектов ученого. В рамках программы комплексного изучения регионов Центральной России, реализуемой Музеем Центрально-промышленной области, Б. А. Куфтин изучал этнический состав Рязанского Поочья. В 1923 году он провёл раскопки памятников льяловской археологической

культуры. В 1926 и 1929 годах побывал в Северной Осетии и Закавказье, где принимал участие в антропологических, палеоэтнологических и этнографических исследованиях. В 1927–1928 годах Борис Алексеевич работал в Сибири, где сосредоточился на изучении палеоазиатских и тунгусо-маньчжурских народов, а также предпринял раскопки на реке Зее и побережье озера Байкал. Результаты этой масштабной работы получили высокую оценку его коллег. В 1927 году Борис

Алексеевич был удостоен Малой золотой медали Всесоюзного географического общества, а в 1928 году – стал профессором и действительным членом Института народов и культуры Востока СССР.

Между тем, Крым остался в сердце этнографа. Он постоянно мысленно возвращался на полуостров во время своих экспедиций по другим регионам страны. В «Кратком эпизодическом дневнике Тунгусской экспедиции Антропологического института I Московского государственного университета и Центрального музея народоведения летом 1927 года» имеются ностальгические упоминания Б. А. Куфтина о Крыме. Любуясь сибирской и дальневосточной природой во время Тунгусской экспедиции, ученый сравнивал эти пейзажи с крымскими: «...в синей воде Байкала и в голубых далях грезился Крым...»; Татарский пролив: «...зеленый простор, голубое небо и скалистые крутые берега, тонущие в голубой дымке. Но нет того ласкающего света и тепла как в Крыму» [цит. по: 78, с. 40].

К концу 20-х Куфтин был одним из наиболее известных советских этнографов-практиков. Но тут его научный взлет был, увы, оборван и крымоведческое направление в связи с последовавшими событиями вычеркнуто из научной деятельности.

В истории советской этнографии немаловажную роль сыграло совещание этнографов Москвы и Ленинграда, которое проходило в городе на Неве с 5 по 11 апреля 1929 года. Борис Алексеевич стал активным участником развернувшейся на этом ученом собрании дискуссии. На рубеже 20–30-х годов в советской науке разгорелся спор о предмете этнологии. Группа радикалов-марксистов, возглавляемых В. Б. Аптекарем, ставила под вопрос про само существование этнографии в качестве самостоятельной научной дисциплины. С программным докладом «Этнология и ее метод» на совещании выступил декан этнологического факультета I МГУ П. Ф. Преображенский. Его основной идеей было «вписать» этнологию в гегелевско-марксистское представление об истории и тем самым доказать право этой науки на самостоятельное существование. Москву также представлял и Б. А. Куфтин, который выступил с развернутым докладом «Задачи и методы полевой этнологии». Его содокладчиком стал В. Г. Богораз-Тан – один из крупнейших этнографов того времени. С основными теоретическими позициями, заявленными Куфтиным, солидаризировались практически все выступавшие на совещании московские этнографы – М. Г. Левин, С. А. Токарев, С. П. Толстов. Б. А. Куфтин подчеркивал несомненную принадлежность этнографии к историческим наукам: «Этнология является наукой исторической. Изучая племенные культурно-бытовые, хозяйственные образования, она стремится понять их в процессе их сложения, как продукты социального развития всего человечества на стадиях более примитивной доиндустриально-фабричной общественности и общественности, хотя и более развитой, но сохраняющей в тех или других частях пережитки последней. В этом смысле этнология становится частью всеобщей истории человечества, восстанавливаемой ретроспективно на основании не только закрепленных письменностью событий, но и их бытовых пережитков и других

бесписьменных памятников народного языка, различных сторон культурного и расового типа» [цит. по: 16, с. 250–251]. Б. А. Куфтин представил свое видение задач советской археологии. С одной стороны, он доказывал, что этнология изучает этногенез, «историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований» в разрезе этнических формаций, которые бытовали и исчезали «на основе более общих законов исторического развития». Другой задачей этнолог видел изучение культурных реалий, возникавших в этнической среде, где проходил «процесс денационализации, то есть выхода за пределы своего национального типа». Таким образом, объекты изучения этнологии делились, по Куфтину, на «племенные» (этнически специфические) и «внеплеменные».

Титульный лист журнала «Этнография».

Теоретическая часть доклада московского этнолога вызвала у радикалов-марксистов открытое раздражение. В. Б. Аптекарь заявил, что на обсуждение его не стоит тратить времени: «Я считаю большой ошибкой президиума, что он не гильотинизировал после первой части доклада Куфтина». Не менее категоричным был Н. М. Маторин, который, по его выражению: «вынужден с места в карьер отмежеваться от той методологической путаницы, которую мы видели в докладе Б. А. Куфтина и которая произвела, вероятно, на все совещание угнетающее впечатление». Неудивительна после этого и формулировка, которая появилась в отчете о работе совещания, размещенном в журнале «Этнография»: «Б. А. Куфтин, к сожалению, большую часть своего доклада использовал на отвлеченные экскурсы в область теоретических вопросов, что лишило его возможности в достаточной степени изложить свой громадный методологический опыт полевых экспедиционных исследований» [79].

По итогам работы конференции Н. М. Маториным была опубликована программная статья «Современный этап и задачи советской этнографии». Ее целью было положить конец разночтениям о предмете этнографической науки. Автор нещадно критиковал ученых «старой школы», в том числе Б. А. Куфтина, за слишком широкую трактовку «компетенции» этнографии, которая является лишь разделом всемирной истории и занята изучением доклассовой общественно-экономической формации [см. подробнее: 80].

Совещание разделилось в дискуссиях, с одной стороны, на ленинградских учеников В. Г. Богораза-Тана во главе с ним самим, а с другой, на московских исследователей, работавших, как правило, в музеях, занимавшихся экспедиционными исследованиями. Таким образом Куфтин и Богораз-Тан стали выразителями двух различных и во многом противоположных представлений о характере работы этнографа. Неслучайно и доклад В. Г. Богораза-Тана назывался «Стационарный метод этнографии», где автор отстаивал холлический принцип этнографического изучения, представляющий культуру как единое целое, а не совокупность различных элементов. В заключительной слове Борис Алексеевич Куфтин подчеркнул, что не отвергает первостепенного значения «стационарного» метода, однако отстаивает необходимость сравнительного этнологического подхода, который основан на широком использовании сопоставлений. Доклад Б. А. Куфтина поднимал также немаловажный вопрос о соотношении академической науки и краеведения на местах, о роли этнографических музеев, о правильной организации экспедиций по сбору музейных коллекций. Полевую работу Б. А. Куфтин связывал именно с деятельностью музеев [81–84].

Вскоре после участия в этнографическом совещании 1929 года Б. А. Куфтина лишили возможности участвовать в дальнейшем процессе развития отечественной науки. Начались «чистки» научных, учебных и музейных учреждений. В первой половине 1930 года Борис Алексеевич работал над программой университетского курса «Методы научного определения исторических памятников» [85, л. 1–2]. А 27 сентября 1930 года вместе с некоторыми другими сотрудниками московского Центрального музея народоведения Бориса Алексеевича арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности. Ученому инкриминировали участие в Российской национальной партии. Громкое «Дело славистов» тогда затронуло многих крупных научных деятелей, в том числе и крымоведов. Материалы по Куфтину выделили в отдельное производство. Приговором стала ссылка его на Север сроком на три года, которые ученый отбывал в Вологде (реабилитирован Прокуратурой СССР 27 февраля 1999 г.) [см. подробнее: 86; 87; 88, с. 230–232; 89, с. 203].

В 1933 году Б. А. Куфтина восстановили в правах, но официально отнесли к группе идеологов либеральной буржуазии, которым ставилось в вину «некритическое восприятие буржуазного наследства». Продолжать работу в Москве он не мог. К занятиям этнографией ученый больше не возвращался. По предложению профессора Г. К. Ниорадзе, знавшего Куфтина по предыдущей совместной работе в Антропологическом институте у Д. Н. Анучина, Борис Алексеевич переехал на постоянное место жительства в Тбилиси [90, с. 91–92]. Этот внезапный переезд спас его от дальнейших репрессий. Уже в конце 1933 – начале 1934 года была арестована крупная группа ученых-гуманитариев, в том числе и этнографы из Центрального музея народоведения.

С 1933 года Б. А. Куфтин работал в Грузии. Занимал должность ученого консультанта по археологии в Государственном историческом музее республики. Он погрузился в изучение местной археологии. Впервые выделил и описал две важнейшие культуры Кавказа – триалетскую и куро-аракскую. Нами выявлена

*Дмитрий Петрович
Гордеев*

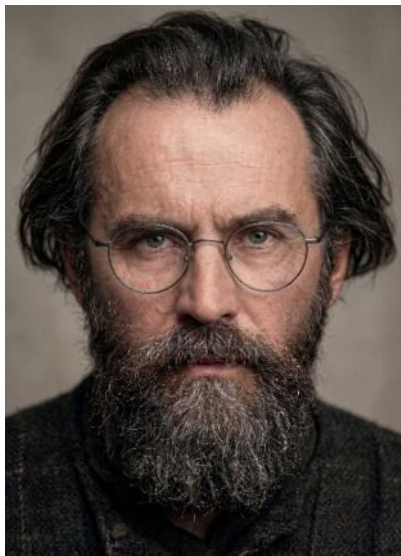
переписка Б. А. Куфтина с его коллегой и товарищем по несчастью Дмитрием Петровичем Гордеевым (1889–1968) – археологом и искусствоведом из Харькова, который после ареста и отбывания срока наказания во второй половине 30-х также осел в Грузии [см. о нем: 91, с. 683–701]. Сохранившиеся в личном архивном фонде Д. П. Гордеева письма датируются 1938, 1946 и 1949 годами. Б. А. Куфтин не случайно обращал внимание коллеги на то, что занимается исключительно археологическими исследованиями [92, л. 1–3].

По результатам археологических исследований в Грузии Б. А. Куфтин был награждён Сталинской премией (1942 г.). В 1944 году Борис Алексеевич избран членом-корреспондентом АН Грузинской ССР. В 1946 году стал академиком АН Грузинской ССР. В 1952 году, работая в составе Южно-Туркменской комплексной археологической экспедиции, Борис

Алексеевич получил важные данные для освещения древнейшей истории Средней Азии (Анау, Намазга-тепе, Ак-тепе и др.) [93, с. 298–305].

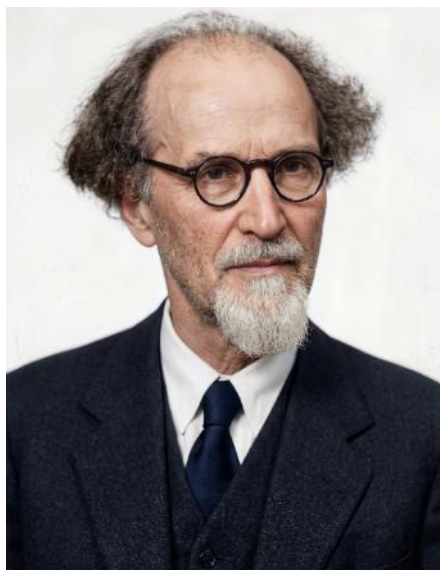
Летом 1953 года жизнь Б. А. Куфтина и его супруги оборвалась в результате несчастного случая, происшедшего во время отдыха под Ригой. Ученый похоронен в Пантеоне общественных деятелей в Тбилиси.

Таким образом, на протяжении 1923–1928 годов крупный советский этнограф Б. А. Куфтин провел несколько масштабных народоведческих экспедиций в Крыму. Хотя внимание сотрудников экспедиционных отрядов захватывали различные аспекты крымской этнографии (быт, устное народное творчество болгар, цыган), основное внимание руководителя работ было сосредоточено на изучении особенностей жилища и быта крымских татар. Обобщение Б. А. Куфтиным значительного по объему материала рабочих записей и анализ переданных в музей предметов быта и культуры крымских татар выразились в нескольких фундаментальных трудах, посвященных этнографии южно-бережных крымскотатарских поселений и, в частности, характеристике жилища. Эти наработки, не потерявшие и сегодня актуальности, входят в «золотой фонд» исторического крымоведения.

*Борис Алексеевич Куфтин.
Ок. 1933 года. Из Воспоминаний
Б. Б. Пиотровского*

К ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМА
В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД: БОРИС КУФТИН

*Борис Алексеевич Куфтин –
академик АН Грузинской ССР*

*Могилы Б. А. Куфтина и В. К. Стешенко-Куфтиной.
Тбилиси*

Список использованных источников и литературы

1. Дебес Г. Памяти Б. А. Куфтина // Советская этнография.– 1954.– № 1.– С. 166–167.
Debes G. Pamyati B. A. Kuftina // Sovetskaya etnografiya.– 1954.– № 1.– S. 166–167.
2. Джапаридзе О. М. К 100-летию со дня рождения академика Б. А. Куфтина // Российская археология.– 1993.– № 3.– С. 246–249.
Dzharidze O. M. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika B. A. Kuftina // Rossijskaya arheologiya.– 1993.– № 3.– S. 246–249.
3. Решетов А. М. Б. А. Куфтин – выдающийся советский этноархеолог // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр.– Владивосток; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000.– С. 45–47.
Reshetov A. M. B. A. Kufitin – vydayushchijsya sovetskij etnoarheolog // Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij: sb. nauch. tr.– Vladivostok; Omsk: Izd-vo OmGPU, 2000.– S. 45–47.
4. Струве В. В. Советское востоковедение за 40 лет // Ученые записки Института востоковедения.– М., 1960.– Т. 25.– С. 3–29.
Struve V. V. Sovetskoe vostokovedenie za 40 let // Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya.– М., 1960.– Т. 25.– S. 3–29.
5. Токарев С. А. Избранное: теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира / Ин-т этнологии и антропологии РАН: В 2-х т.– М., 1999.– Т. 1.– 230, [1] с.; Т. 2.– 202, [1] с.
Tokarev S. A. Izbrannoe: teoreticheskie i istoriograficheskie stat'i po etnografii i religiyam narodov mira / In-t etnologii i antropologii RAN: V 2-h t.– Moskva, 1999.– Т. 1.– 230, [1] s.; Т. 2.– 202, [1] s.
6. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее – МАЭ), ф. 12, оп. 1, д. 115.
Muzej antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN (dalee – MAE), f. 12, op. 1, d. 115.
7. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945).– Симферополь: Антиква, 2015.– 936 с.– (Серия: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).
Nepomnyashchij A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arhivy (1921–1945).– Simferopol': Antikva, 2015.– 936 s.– (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).
8. СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 392.
SPbF ARAN, f. 155, op. 2, d. 392.
9. Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 213, оп. 2, д. 904.
Central'nyj gosudarstvennyj arhiv g. Moskvy, f. 213, op. 2, d. 904.
10. Непомнящий А. А. Становление и развитие историографии истории Крыма: этнографы и экспедиции (XIX – начало XX века) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2019.– Т. 5(71), № 4.– С. 21–66.
Nepomnyashchij A. A. Stanovlenie i razvitie istoriografii istorii Kryma: etnografy i ekspedicii (XIX – nachalo XX veka) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– Simferopol', 2019.– Т. 5(71), № 4.– S. 21–66.
11. В. В. Богданов: некролог // Советская этнография.– 1949.– № 4.– С. 207–208.
V. V. Bogdanov: nekrolog // Sovetskaya etnografiya.– 1949.– № 4.– S. 207–208.
12. Михайлов П. Краеведение в Крымском педагогическом институте // Красный Крым.– Симферополь, 1940.– № 29(6001).– 19 дек.– С. 3.
Mihajlov P. Kraevedenie v Krymskom pedagogicheskom institute // Krasnyj Krym.– Simferopol', 1940.– № 29(6001).– 19 dek.– S. 3.
13. Непомнящий А. А. «Жить сегодняшним днем...»: профессор Петр Двойченко.– Саратов: Амрит, 2023.– 280 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 34).
Nepomnyashchij A. A. «Zhit' segodnyashnim dnem...»: professor Petr Dvojchenko.– Saratov: Amirit, 2023.– 280 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 34).

14. Куфтин Б. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение.– 1916.– № 3/4.– С. 123–155.
- Kuftin B. Kalendar' i pervobytnaya astronomiya kirgiz-kazackogo naroda // Etnograficheskoe obozrenie.– 1916.– № 3/4.– S. 123–155.
15. Архив Российской государственной библиотеки, оп. 41, д. 56.
Arhiv Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki, op. 41, d. 56.
16. Алымов С. С., Решетов А. М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы / Сост., отв. ред. Д. Д. Тумаркин.– М.: Восточная литература, 2003.– Вып. 2.– С. 227–268.
- Alymov S. S., Reshetov A. M. Boris Alekseevich Kuftin: izlomy zhiznennogo puti // Repressirovannye etnografy / Sost., отв. ред. D. D. Tumarkin.– Moskva: Vostochnaya literatura, 2003.– Вып. 2.– С. 227–268.
17. Отчёт Русского музея за 1922 год.– Пг.: Тип. им. Ивана Федорова, 1923. 75 с., [3] вкл. л. илл.
Otchyot Russkogo muzeja za 1922 god.– Petrograd: Tip. im. Ivana Fedorova, 1923. 75 s., [3] vkl. l. ill.
18. Золотарев Д. А. Первая Всероссийская Конференция научных обществ по изучению местного края // Русский исторический журнал.– 1922.– Кн. 8.– С. 304–307.
- Zolotarev D. A. Pervaya Vserossijskaya Konferenciya nauchnyh obshchestv po izucheniyu mestnogo kraja // Russkij istoricheskij zhurnal.– Petrograd, 1922.– Кн. 8.– С. 304–307.
19. Куфтин Б. А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения // Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, созываемой Академическим центром Наркомпроса в Москве 10–20 дек. 1921 г.– М., 1921.– № 2.– С. 22–24.
- Kuftin B. A. Vazhnost' i srochnost' sobiraniya etnograficheskikh materialov dlya zadach kraevedeniya // Dnevnik Vserossijskoj konferencii nauchnyh obshchestv po izucheniyu mestnogo kraja, sozyvaemoj Akademicheskim centrom Narkomprosa v Moskve 10–20 dekabrya 1921 g.– Moskva, 1921.– № 2.– С. 22–24.
20. Куфтин Б. А. Важность и срочность собирания этнографических материалов для задач краеведения // Вопросы краеведения: сб. докл., сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созданной Академическим центром Наркомпроса / Центральное бюро краеведения при РАН; Под ред. В. В. Богданова.– Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923.– С. 101–108.
- Kuftin B. A. Vazhnost' i srochnost' sobiraniya etnograficheskikh materialov dlya zadach kraevedeniya // Voprosy kraevedeniya: sb. dokl., sdelannyh na Vserossijskoj konferencii nauchnyh obshchestv po izucheniyu mestnogo kraja v Moskve v dekabre 1921 goda, sozvannoj Akademicheskim centrom Narkomprosa / Central'noe byuro kraevedeniya pri RAN; Pod red. V. V. Bogdanova.– Nizhnij Novgorod: Nizhpoligraf, 1923.– С. 101–108.
21. Севастьянов А. В. Десять лет на службе кримведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / Под ред. А. А. Непомнящего.– Симферополь, 2010.– 256 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография кримведения»; вып. 13).
- Sevast'yanov A. V. Desyat' let na sluzhbe krymvedeniya: Rossijskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932) / Pod red. A. A. Nepomnyashchego.– Simferopol', 2010.– 256 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymvedeniya»; вып. 13).
22. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 57.
МАЭ, f. 12, op. 1, d. 57.
23. Российский этнографический музей (РЭМ), фонды 8761-5331. Поступление 1923 г.
Rossijskij etnograficheskij muzej (REM), fondy 8761-5331. Postuplenie 1923 g.
24. Из деятельности Российского общества по изучению Крыма // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 306.
- Iz deyatelnosti Rossijskogo obshchestva po izucheniyu Kryma // Etnografiya.– Moskva; Leningrad, 1926.– № 1/2.– С. 306.
25. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: материалы и вопросы // Мемуары Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.– М., 1925.– Вып. 1.– С. 1–58, XIX табл.

Kuftin B. A. Zhilishche krymskih tatar v svyazi s istoriej zaseleniya poluostrova: materialy i voprosy // Memuary Etnograficheskogo otdela Obshchestva lyubitelej estestvoznaniya, antropologii i etnografii.– Moskva, 1925.– Вып. 1.– С. 1–58, XIX tabl.

26. Жилище крымских татар: Дубровский М. И. Жилище крымских горных татар; Бернштам А. Н. Жилище крымского предгорья; Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова / Медицентр им. И. Гаспринского; Подг. А. В. Веселов.– Симферополь, 2024.– 168 с.

Zhilishche krymskih tatar: Dubrovskij M. I. Zhilishche krymskih gornyh tatar; Bernshtam A. N. Zhilishche krymskogo predgor'ya; Kuftin B. A. Zhilishche krymskih tatar v svyazi s istoriej zaseleniya poluostrova / Mediacentr im. I. Gasprinskogo; Podg. A. V. Veselov.– Simferopol', 2024.– 168 s.

27. Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма // Крым.– 1925.– № 1.– С. 22–31.

Kuftin B. A. Yuzhnoberezhnye tataru Kryma // Krym.– Moskva, 1925.– № 1.– С. 22–31.

28. Севастьянов А. В. Из истории деятельности Гурзуфской научной базы Российского общества по изучению Крыма (1923–1926 гг.) // Культура народов Причерноморья.– 2005.– № 66.– С. 42–46.

Sevast'yanov A. V. Iz istorii deyatel'nosti Gurzufskoj nauchnoj bazy Rossijskogo obshchestva po izucheniyu Kryma (1923–1926 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya.– Simferopol', 2005.– № 66.– S. 42–46.

29. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 69.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 69.

30. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 8.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 8.

31. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 9.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 9.

32. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 10.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 10

33. Непомнящий А. А. КрымОХРИС в документах отдела письменных источников Государственного исторического музея (1920–1927) // Вестник Томского государственного университета. Серия: «История».– 2022.– № 75.– С. 125–130.

Непомнящчй А. А. КрымОHRIS v dokumentah otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (1920–1927) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya».– Tomsk, 2022.– № 75.– S. 125–130.

34. Государственный исторический музей, отдел письменных источников (далее – ГИМ ОПИ), ф. 598, оп. 1, д. 33.

Gosudarstvennyj istoricheskij muzej, otdel pis'mennyh istochnikov (dalee – GIM OPI), f. 598, op. 1, d. 33.

35. Бочаров С. Г., Ситдииков А. Г. Экспедиция по изучению татарской культуры в Крыму // Мирас – Наследие: Татарстан – Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / Ин-т археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан; Сост., отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдииков: В 3-х т.– Казань, 2016.– Т. 1.– С. 22–51.

Bocharov S. G., Sitdikov A. G. Ekspediciya po izucheniyu tatarskoj kul'tury v Krymu // Miras–Nasledie: Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoj kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godah / In-t arheologii im. A. N. Halikova AN Respubliki Tatarstan; Sost., отв. red. S. G. Bocharov, A. G. Sitdikov: V 3-h t.– Kazan', 2016.– T. 1.– S. 22–51.

36. Непомнящий А. А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2018.– Т. 4(70), № 4.– С. 40–83.

Непомнящчй А. А. Aleksej Bashkirov v krymovedcheskih kommunikacijah pervoj treti HH stoletiya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki.– 2018.– T. 4(70), № 4.– S. 40–83.

37. Непомнящий А. А. Новые материалы к биографии Б. Н. Засыпкина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– 2022.– Вып. 27.– С. 711–723.

Непомнящчй А. А. Novye materialy k biografii B. N. Zasypkina // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– 2022.– Вып. 27.– S. 711–723.

38. РЭМ, фонды 8762-23990, 23994-23996, 24000, 24010, 24047-24049, 24051, 24070, 24072, 24113, 24114, 24345, 24350, 24390, 24497, 24498. – Мужская одежда, женская одежда, образцы ткачества. Атрибутировано 20 предметов. Поступление 1925 г.
- REM, fondy 8762-23990, 23994-23996, 24000, 24010, 24047-24049, 24051, 24070, 24072, 24113, 24114, 24345, 24350, 24390, 24497, 24498. – Muzhskaya odezhda, zhenskaya odezhda, obrazcy tkachestva. Atributirovano 20 predmetov. Postuplenie 1925 g.
39. ГА РФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 193.
GA RF, f. A-2307, op. 10, d. 193.
40. Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения // Этнография.– 1928.– № 2 (Кн. 6).– С. 134–138.
Shilling E. Gosudarstvennyj central'nyj muzej narodovedeniya // Etnografiya.– 1928.– № 2 (Кн. 6).– S. 134–138.
41. Этнографические экспедиции в Крыму // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 305.
Etnograficheskie ekspedicii v Krymu // Etnografiya.– 1926.– № 1/2.– S. 305.
42. Хроника Московского отделения РОПИК // Крым.– 1925.– № 1.– С. 44–46.
Hronika Moskovskogo otdeleniya ROPIK // Krym.– 1925.– № 1.– S. 44–46.
43. Куфтин Б. Южнобережные татары Крыма // Забвению не подлежит...: из истории крымскотатарской государственности в Крыму / Сост. Н. Ибадуллаев; Предисл. В. Е. Возгрин.– Казань: Татарское книжн. изд-во, 1992.– С. 239–249.
Kuftin B. Yuzhnoberezhnye tatory Kryma // Zabveniyu ne podlezhit...: iz istorii krymskotatarskoj gosudarstvennosti v Krymu / Sost. N. Ibadullaev; Predisl. V. E. Vozgrin.– Kazan': Tatarskoe knizhn. izd-vo, 1992.– S. 239–249.
44. Юрочкин В. Ю. Готский вопрос.– Симферополь: Сонат, 2017.– 496 с.– (Серия: «Древности Полуденной России»)
Yurochkin V. Yu. Gotskij vopros.– Simferopol': Sonat, 2017.– 496 s.– (Seriya: «Drevnosti Poludennoj Rossii»).
45. Непомнящий А. А. Музыкально-этнографические полевые исследования в Крыму (20-е гг. XX века) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– 2019.– Вып. 24.– С. 539–551.
Nepomnyashchij A. A. Muzykal'no-etnograficheskie polevyje issledovaniya v Krymu (20-e gg. NN veka) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2019.– Вып. 24.– S. 539–551.
46. [Кончевский А. К.] [Рецензия] // Крым.– 1926.– № 2.– С. 207.– Изд. под псевд.: А. К.
[Konchevskij A. K.] [Recenziya] // Krym.– 1926.– № 2.– S. 207.– Izd. pod psevd.: A. K.
47. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения.– Киев: Стилос, 2012.– 464 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).
Nepomnyashchij A. A. Professor Nikolaj Ernst: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya.– Kiev: Stilos, 2012.– 464 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 15).
48. Бонч-Осмоловский Г. А. [Рецензия] // Этнография.– 1926.– № 1/2.– С. 362–365.
Bonch-Osmolovskij G. A. [Recenziya] // Etnografiya.– 1926.– № 1/2.– S. 362–365.
49. Бонч-Осмоловский Г. А. [Дополнения к опубликованной в номере 1/2 за 1926 г. в журнале «Этнография» рец. на кн.: Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова] // Этнография.– 1927.– № 1.– С. 255.
Bonch-Osmolovskij G. A. [Dopolneniya k opublikovannoj v nomere 1/2 za 1926 g. v zhurnale «Etnografiya» rec. na kn.: Kuftin B. A. Zhilishche krymskih tatar v svyazi s istoriej zaseleniya poluostrova] // Etnografiya.– 1927.– № 1.– S. 255.
50. Бонч-Осмоловский Г. А. Этнографический очерк: крымские татары // Путеводитель по Крыму / Крымский обл. комитет по делам музеев и охране памятников старины искусства; Под ред. А. И. Маркевича, А. И. Полканова, Н. Л. Эрнста; Очерк революционного движения под ред. В. Камшицкого. При участии: У. Боданинского, И. Н. Бороздина, А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, П. И. Голландского, К. Э. Гриневича, И. Р. Гелиса, А. Г. Коренева, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, А. С. Моисеева, П. В. Никольского, А. И. Полканова, И. А. Роджеро, Г. Я. Россилевича, Н. Л. Эрнста.– 2-е изд.: испр. и доп.– Симферополь: Крымгосиздат, 1925.– 268 с.

Bonch-Osmolovskij G. A. Etnograficheskiy ocherk: krymskie tatory // Putevoditel' po Krymu / Krymskiy obl. komitet po delam muzeev i ohrane pamyatnikov stariny iskusstva; Pod red. A. I. Markevicha, A. I. Polkanova, N. L. Ernsta; Ocherk revolyucionnogo dvizheniya pod red. V. Kamshickogo. Pri uchastii: U. Bodaninskogo, I. N. Borozdina, A. S. Bashkirova, G. A. Bonch-Osmolovskogo, P. I. Gollandskogo, K. E. Grinevicha, I. R. Gelisa, A. G. Koreneva, A. I. Markevicha, Yu. Yu. Marti, A. S. Moiseeva, P. V. Nikol'skogo, A. I. Polkanova, I. A. Rodzhero, G. Ya. Rossilevicha, N. L. Ernsta.– 2 izd.: ispr. i dop.– Simferopol': Krymgosizdat, 1925.– 268 s.

51. Бонч-Осмоловский Г. А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии / Этнографический отдел Гос. Русского музея.– Л., 1926.– Т. 3, вып. 1.– С. 101–110.

Bonch-Osmolovskij G. A. Svadebnye zhilishcha tureckih narodnostej // Materialy po etnografii / Etnograficheskiy otdel Gos. Russkogo muzeya.– L., 1926.– Т. 3, вып. 1.– С. 101–110.

52. Ваганов В. С. Опыт-показательная школа Крымнаркомпроса и КрымОХРИС: опыт взаимодействия // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России», 12–15 сент. 2019 г.: матер. Междунар. науч. конф. / Гос. ист.-арх. музей-заповед. «Херсонес Таврический».– Севастополь, 2019.– С. 52–56.

Vaganov V. S. Opytno-pokazatel'naya shkola Krymnarkomprosa i KrymOHRIS: opyt vzaimodejstviya // Uvarovskie Tavricheskie chteniya IV «Drevnosti Yuga Rossii», 12–15 sent. 2019 g.: mater. Mezhdunar. nauch. konf. / Gos. ist.-arh. muzej-zapoved. «Hersones Tavricheskij».– Sevastopol', 2019.– С. 52–56.

53. Ваганов В. С. Историко-культурная экскурсия – средство пропаганды культурного наследия в Крыму (20–30-е гг. XX в.) // Исторические документы и актуальные проблемы археологии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: «Регионы Российской Федерации: история и современность»: сб. матер. Четырнадцатой междунар. конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2024», г. Москва, 18–19 апр. 2024 г. / РГАСПИ; Отв. ред. А. К. Сорокин.– М.: Политическая энциклопедия, 2024.– С. 32–34.

Vaganov V. S. Istoriko-kul'turnaya ekskursiya – sredstvo propagandy kul'turnogo naslediya v Krymu (20–30-e gg. XX v.) // Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheologii, istochnikovedeniya, rossijskoj i vseobshchej istorii novogo i novejshego vremeni: «Regiony Rossijskoj Federacii: istoriya i sovremennost'»: sb. mater. Chetyrnadcatoy mezhdunar. konf. molodyh uchenyh i specialistov «Clio-2024», g. Moskva, 18–19 apr. 2024 g. / RGASPI; Otv. red. A. K. Sorokin.– Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 2024.– С. 32–34.

54. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 24.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 24.

55. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 108.

МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 108.

56. Куфтин Б. А. Список наиболее малочисленных народностей СССР: извлечение из доклада, читанного в Антропологическом институте I МГУ: «Численные взаимоотношения народов СССР в связи с проблемой «вымирающих» и реликтовых племен» // Русский антропологический журнал.– 1926.– Т. 14, вып. 3/4.– С. 91–93.

Kuftin B. A. Spisok naibolee malochislennyh narodnostej SSSR: izvlechenie iz doklada, chitannogo v Antropologicheskom institute I MGU: «Chislennye vzaimootnosheniya narodov SSSR v svyazi s problemoj «vymirayushchih» i reliktovyh plemen» // Russkij antropologicheskij zhurnal.– 1926.– Т. 14, вып. 3/4.– С. 91–93.

57. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.31.php

Nepomnyashchij A. A. «My stremimsya k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnih arheologicheskikh s'ezdov»: Kerchenskaya arheologicheskaya konferenciya [Elektronnyj resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manah Prostranstvo i Vremya.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/2227-9490e-aprov_e-ast14-1.2017.31.php

58. Куфтин Б. А. Типы жилищ крымских татар как источник для изучения культурно-этнических смен доисторического и исторического Крыма // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи.– Керчь, 1926.– № 6.– 10 сент.– С. 2.
- Kuftin B. A. Tipy zhilishch krymskikh tatar kak istochnik dlya izucheniya kul'turno-etnicheskikh smen doistoricheskogo i istoricheskogo Kryma // Byulleten' Konferencii arheologov SSSR v Kerchi.– Kerch', 1926.– № 6.– 10 sentyabrya.– S. 2.
59. ГИМ ОПИ, ф. 598, оп. 1, д. 39.
GIM OPI, f. 598, op. 1, d. 39.
60. Севастьянов О. Керченська комплексна експедиція Московської філії Товариства з вивчення Криму (1928–1929 рр.): мета, заходи, результати // Краєзнавство.– 2008.– № 1/4.– С. 96–100.
- Sevast'yanov O. Kerchens'ka kompleksna ekspediciya Moskovs'koї filii Tovaristva z vivchennya Krimu (1928–1929 rr.): meta, zahodi, rezul'tati // Kraeznavstvo.– 2008.– № 1/4.– S. 96–100.
61. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 63.
MAE, f. 12, op. 1, d. 63.
62. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 11.
MAE, f. 12, op. 1, d. 11.
63. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 13.
MAE, f. 12, op. 1, d. 13.
64. Пиралишвили Л., Решетов А. М. Этномузыковед В. К. Стешенко-Куфтина: факты биографии // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения, 2004–2005: тез. докл. / Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН; Ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стасевич.– СПб., 2005.– С. 143–145.
- Piralishvili L., Reshetov A. M. Etnomuzykoved V. K. Steshenko-Kuftina: fakty biografii // Lavrovskie (Sredneaziatsko-Kavkazskie) chteniya, 2004–2005: tez. dokl. / Muzej antropologii i etnografii (Kunstkamera) RAN; Red. Yu. Yu. Karpov, I. V. Stasevich.– SanktPeterburg, 2005.– S. 143–145.
65. Изучают культуру и экономику Крыма: [интервью с Б. А. Куфтиным] // Красная Керчь.– 1928.– № 132.– 10 июня.
- Izuchayut kul'turu i ekonomiku Kryma: [interv'yu s B. A. Kuftinym] // Krasnaya Kerch'.– 1928.– № 132.– 10 iyunya.
66. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 16, л. 1–79; д. 17, л. 1–70; д. 18, л. 1–78; д. 19, л. 1–33; д. 20, л. 1–20, д. 21, л. 1–73; д. 22, л. 1–68; д. 23, л. 1–68.
MAE, f. 12, op. 1, d. 16, l. 1–79; d. 17, l. 1–70; d. 18, l. 1–78; d. 19, l. 1–33; d. 20, l. 1–20, d. 21, l. 1–73; d. 22, l. 1–68; d. 23, l. 1–68.
67. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 63, л. 1–3; д. 64, л. 1–10; д. 65, л. 1–23.
MAE, f. 12, op. 1, d. 63, l. 1–3; d. 64, l. 1–10; d. 65, l. 1–23.
68. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 66.
MAE, f. 12, op. 1, d. 66.
69. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 67.
MAE, f. 12, op. 1, d. 67.
70. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 69.
MAE, f. 12, op. 1, d. 69.
71. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 14.
MAE, f. 12, op. 1, d. 14.
72. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 15.
MAE, f. 12, op. 1, d. 15.
73. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 100.
MAE, f. 12, op. 1, d. 100.
74. Куфтин Б. А. Задачи и методы полевой этнологии // Этнография.– 1929.– № 2 (Кн. 8).– С. 125–129.
- Kuftin B. A. Zadachi i metody polevoj etnologii // Etnografiya.– 1929.– № 2 (Kn. 8).– S. 125–129.
75. Севастьянов О. Десять років на службі краєзнавству: Російське товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) // Краєзнавство.– 2009.– № 3/4.– С. 96–102.

- Sevast'yanov O. Desyat' rokov na sluzhbi kraeznavstvu: Rosijs'ke tovaristvo z vivchennya Krimu (1922–1932 гг.) // Краезнавство.– 2009.– № 3/4.– С. 96–102.
76. РЭМ, Научный архив, ф. 5, оп. 4, д. 251–301.
РЕМ, Nauchnyj arhiv, f. 5, op. 4, d. 251–301.
77. Крымские татары: каталог коллекций / Гос. музей этнографии народов СССР; Сост. Э. Г. Торчинская, Е. Б. Кочетова.– Л., 1989.– 41 с.
Krymskie tataru: katalog kollekcij / Gos. muzej etnografii narodov SSSR; Sost. E. G. Torchinskaya, E. B. Kochetova.– L., 1989.– 41 s.
78. Березницкий С. В., Примак П. В. Полевые дневники Б. А. Куфтина, руководителя Тунгусской экспедиции, как источники эпохи становления советской этнографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: «История. Регионоведение. Международные отношения».– 2024.– Т. 29, № 2.– С. 36–45.
Bereznickij S. V., Primak P. V. Polevye dnevniki B. A. Kuftina, rukovoditelya Tungusskoj ekspedicii, kak istochniki epohi stanovleniya sovetsoj etnografii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: «Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya».– 2024.– T. 29, № 2.– S. 36–45.
79. [Кошкин Я. П., Маторин Н. М.] Совещание этнографов Ленинграда и Москвы, 5/IV – 11/IV 1929 г. // Этнография.– 1929.– № 2.– С. 112.– Изд. под псевд.: Я. К., Н. М.
[Koshkin YA. P., Matorin N. M.] Soveshchanie etnografov Leningrada i Moskvy, 5/IV – 11/IV 1929 g. // Etnografiya.– Moskva; Leningrad, 1929.– № 2.– S. 112.– Izd. pod psevd.: YA. K., N. M.
80. Решетов А. М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы / Сост., отв. ред. Д. Д. Тумаркин.– М.: Восточная литература, 2003.– Вып. 2.– С. 148–193.
Reshetov A. M. Tragediya lichnosti: Nikolaj Mihajlovich Matorin // Repressirovannye etnografy / Sost., отв. red. D. D. Tumarkin.– Moskva: Vostochnaya literatura, 2003.– Vyp. 2.– S. 148–193.
81. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН; Под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона.– СПб., 2014.– 511 с.– (Серия: «Кунсткамера – Архив»; Т. VII).
Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo RAN; Pod red. D. V. Arzyutova, S. S. Alyмова, D. Dzh. Andersona.– Sankt-Peterburg, 2014.– 511 s.– (Seriya: «Kunstkamera – Arhiv»; T. VII).
82. Соловей Т. Д. Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе, 1917–1932 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8: «История».– 1990.– № 5.– С. 50–60.
Solovej T. D. Evolyuciya ponimaniya predmeta etnografii v sovetsoj etnograficheskoj literature, 1917–1932 gg. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8: «Istoriya».– 1990.– № 5.– S. 50–60.
83. Соловей Т. Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии: история отечественной этнологии первой трети XX века / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.– М., 1998.– 258 с.
Solovej T. D. Ot «burzhuaznoj» etnologii k «sovetsoj» etnografii: istoriya otechestvennoj etnologii pervoj treti XX veka / In-t etnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaya RAN.– Moskva, 1998.– 258 s.
84. Соловей Т. Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии: дискуссия о предмете этнологической науки, конец 1920-х – начало 1930-х годов // Этнографическое обозрение.– 2001.– № 3.– С. 101–121.
Solovej T. D. «Korenojj perelom» v otechestvennoj etnografii: diskussiya o predmete etnologicheskoj nauki, konec 1920-h – nachalo 1930-h godov // Etnograficheskoe obozrenie.– Moskva, 2001.– № 3.– S. 101–121.
85. МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 118.
MAE, f. 12, op. 1, d. 118.
86. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов», 30-е годы / Отв. ред. Н. И. Толстой.– М.: Наследие, 1994.– 286 с.
Ashnin F. D., Alpatov V. M. «Delo slavistov», 30-e gody / Otv. red. N. I. Tolstoj.– M.: Nasledie, 1994.– 286 s.
87. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Востоковеды в деле «Российская национальная партия» // Восток.– 1994.– № 5.– С. 228–229.

Ashnin F. D., Alpatov V. M. Vostokovedy v dele «Rossijskaya nacional'naya partiya» // Vostok.– Moskva, 1994.– № 5.– S. 228–229.

88. Люди и судьбы: библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в Советский период (1917–1991) / Сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина.– СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.– 496 с.

Lyudi i sud'by: biibliograficheskij slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v Sovetskij period (1917–1991) / Sost. Ya. V. Vasil'kov, M. Yu. Sorokina.– Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003.– 496 s.

89. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки.– М.: Знак, 2004.– 318 с.

Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki.– Moskva: Znak, 2004.– 318 s.

90. Массон М. Е. Б. А. Куфтин // Известия академии наук Туркменской ССР. Сер. общественных наук.– 1954.– № 1.– С. 91–92.

Masson M. E. B. A. Kuftin // Izvestiya akademii nauk Turkmenskoj SSR. Ser. obshchestvennyh nauk.– Ashkhabad, 1954.– № 1.– S. 91–92.

91. Непомнящий А. А. Украинское общество изучения Крыма и Кавказа: неизвестная страница истории крымоведения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– 2006.– Вып. 12, ч. 2.– С. 683–701.

Nepomnyashchij A. A. Ukrainское obshchestvo izucheniya Kryma i Kavkaza: neizvestnaya stranica istorii krymovedeniya // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii.– Simferopol', 2006.– Vyp. 12, ch. 2.– S. 683–701.

92. Центральный гос. архив-музей литературы и искусства Украины, ф. 208, оп. 1, д. 137, л. 1–4; д. 170.

Central'nyj gos. arhiv-muzej literatury i iskusstva Ukrainy, f. 208, op. 1, d. 137, l. 1–4; d. 170.

93. Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности: В 2-х т.– СПб.: Евразия, 2014.– Т. 2: Археология советской эпохи.– 640 с.

Klejn L. S. Istoriya rossijskoj arheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti: V 2-h t.– Sankt-Peterburg: Evraziya, 2014.– T. 2: Arheologiya sovetskoj epohi.– 640 s.

Nepomnyashchy A. A. To the history of expeditionary study of Crimea in the pre-war period: Boris Kuftin

In line with a comprehensive study of the contribution of the Russian intelligentsia to the study of Crimea, an analysis is proposed of the historical and Crimean studies activities of the prominent Soviet ethnographer Boris Alekseevich Kuftin (1892–1953) in the 1920s. The scholar managed in his research to combine the study of material culture and the consideration of problems of ethnogenesis. Throughout 1923–1928, B. A. Kuftin conducted several large-scale folk-ethnographic expeditions in Crimea. On the basis of archival materials from the Scientific Archive of the Russian Ethnographic Museum, the Department of Written Sources of the State Historical Museum, the State Archive of the Russian Federation, the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, and the stock collections of the RME, the course of the research work and its results have been reconstructed. Although the attention of the employees of the expedition detachments was captured by various aspects of Crimean ethnography (the everyday life and oral folk art of the Bulgarians and Gypsies), the main attention of the head of the work was concentrated on the study of the peculiarities of the housing and everyday life of the Crimean Tatars. The generalization by B. A. Kuftin of a significant volume of material from working notes and the analysis of the items of everyday life and culture of the Crimean Tatars transferred to the museums resulted in several summarizing works devoted to the ethnography of the South Coast Crimean Tatar settlements and, in particular, to the characterization of housing. The influence on the fate of the scholar of the Ethnographic Conference of 1929, which shifted Kuftin's scientific interests away from Crimea, is also traced.

Keywords: B. A. Kuftin, historical Crimean studies, ethnographic expeditions, Crimean Tatars, Southern Coast of Crimea.